

Та тяжелая рука тяжело давила на его плечи и спину, и в этом тяжелом движении чувствовалась какая-то хищническая, подавляющая властность.

— Ты... — Цинь Хуань только попытался заговорить, собираясь даже поднять руку и сорвать завязанную на глазах шелковую повязку, как вдруг другая ладонь — еще более крупная, сильная и сплошь покрытая мозолями — яростно прижала его затылок, с силой вдавив голову в мягкое шелковое одеяло!

— Ум! — он отчаянно забился, пытаясь приподняться, но был безжалостно пригвожден к месту непреодолимой силой.

Тут же сзади в подколенные ямки уперлось чье-то тяжелое колено,

вынуждая его униженно опуститься на четвереньки прямо на постели.

Погружающая в абсолютную темноту повязка лишь усиливала все страхи и неизвестность.

Это была вовсе не женская рука!

Эта сила, это телосложение... это мужчина.

Чужое, пахнущее алкоголем и диким, звериным напором дыхание обжигало его затылок и обнаженную спину.

Грубые пальцы оставляли на коже жгучие следы, постепенно начиная исследовать уже не только спину.

Они то оглаживали тело, то вновь сильно надавливали.

Пальцы сомкнулись,

проведя по коже длинную черту.

Цинь Хуань задрожал всем телом.

Сознание с трудом собиралось воедино сквозь пелену сильной головной боли и ломоты во всем теле.

Цинь Хуань открыл глаза и первое, что он увидел — незнакомый полог с золотым шитьем. Воздух вокруг наполнял прохладный аромат сандала, резко отличавшийся от сладковатых благовоний, к которым он привык.

Где это он на этот раз?..

Знакомое, вызывающее тошноту чувство паники мертвой хваткой вцепилось в его сердце.

Почему... почему он вечно просыпается в постели, а теряет сознание в унижительном хаосе?

Да когда же кончится этот проклятый кошмар?!

И пока его раскалывающаяся от боли голова пыталась сложить воедино обрывки вчерашнего кошмарного сна,

тяжелая резная деревянная дверь отворилась снаружи. Вошел слуга — с благопристойным лицом, но в то же время донельзя раболепным выражением. Держа глаза долу, он безукоризненно отдал почеть, и его голос прозвучал ровно и бесстрастно:

— Молодой господин очнулся. Ван приказал, коль вы проснетесь, подать вам воду для умывания и накрыть стол.

Ван?

Это слово гроыхнуло подобно удару молнии, едва не выбив из Цинь Хуаня дух.

Не успел он привести в порядок охвативший его разум хаос, как в комнату неспешно шагнул мужчина средних лет в повседневных одеждах, не скрывавших, впрочем, благородного происхождения и властного величия. У него были правильные, мужественные черты лица, но во взгляде читалась та неторопливая самоуверенность и тяга к абсолютному контролю, какие бывают лишь у людей, привыкших годами стоять на вершине власти и смотреть на всех вокруг как на игрушки.

— Проснулся? — негромко произнес мужчина, и в его низком голосе слышалось не терпящее возражений давление. — Быть замеченным Вашим слугой — великая удача для тебя.

Он подошел к кровати и свысока посмотрел на легонько подрагивающего от страха Цинь Хуаня, произнеся это будничным тоном, словно констатировал нечто само собой разумеющееся:

— Я уже отправил твоему отцу весточку. В письме сказано, что я нахожу в тебе... родственную душу, и пригласил погостить у меня в поместье несколько дней.

Родственную душу? Погостить несколько дней?

Цинь Хуань почувствовал, как смертельный холод от самых пят пронесся до макушки, едва не заморозив кровь в жилах.

Он все понял. Все до единого слова.

Этот мужчина — тот самый ван, перед которым вынужден трепетать даже его собственный отец — положил на него глаз.

Овладел им столь грубым способом, да еще и уведомил отца с такой легкомысленной непринужденностью.

А его отец... Ради власти, ради того, чтобы не дать противникам повода зацепить себя за больное, скорее всего... предпочел промолчать и проглотить это унижение.

Всепоглощающее чувство безысходности, словно ледяная вода, мгновенно захлестнуло Цинь Хуаня.

У него не осталось больше ни единой опоры, ни единой надежды.

Он больше не был тем вседозволенным сыном великого наставника; он стал всего лишь игрушкой, на которую позарился еще более могущественный властелин — игрушкой, лишенной права распоряжаться собственным телом и честью.

Он смотрел на этого невозмутимого вана, его губы мелко дрожали, но он не мог вымолвить ни единого звука.

Вся злость, все проклятия застряли в горле, обратившись в беззвучную дрожь и проникающий до мозга костей леденящий ужас.

Он кончен.

Он действительно кончен.

Резиденция великого наставника, в кабинете царило пугающе тяжелое напряжение.

Цинь Хуэй с такой силой сжимал в руке то самое письмо из княжеского поместья, что побелели костяки пальцев, а на тыльной стороне ладони вздулись вены.

Слова в послании были на редкость вежливыми: в нем говорилось, будто князь случайно повстречал молодого господина Циня, нашел его манеры и беседу весьма незаурядными и проникся к нему глубоким уважением, отчего специально пригласил погостить в своем доме

несколько дней, дабы скрасить досуг, а великого наставника просил не беспокоиться.

Однако подтекст, читавшийся между строк, заставлял Цинь Хуэя леденеть от ужаса. Его охватила буря из чудовищной ярости и предельного унижения, клокотавшая в груди и грозящая сорвать крышку с самого рассудка!

— Что за безумная, чудовищная ложь!

Он с размаху швырнул листок на стол, отчего зазвенели чайные чашки, а его голос от предельного гнева дрожал.

— Он... он — сын меня, Цинь Хуэя! Мужчина! Да как... как смеет этот ван...

Что вообще стряслось с Хуань-эр? Почему все кругом, один за другим, так...

Тех омерзительных слов, что крутились на языке, он просто не мог произнести вслух.

Госпожа Цинь уже давно выплакала все слезы; опустившись без сил в кресле неподалеку, она вцепилась в рукав мужа:

— Господин! Умоляю, придумайте что-нибудь! Наш Хуань-эр... как же он...

— Придумать? Да что я могу придумать! — рявкнул Цинь Хуэй, его грудь тяжело вздымалась, а в глазах плескалась невиданная доселе злоба... смешанная с капелькой беспомощности.

— Какого-нибудь Сун Цичэня можно было прирезать без лишних слов! Но ведь это Цзин-ван! Член императорской фамилии! Ван, в чьих руках сосредоточена реальная власть! И что ты предлагаешь мне сделать? Разве мне по силам тягаться с ним?!

Этот крик подействовал на госпожу Цинь подобно ушату ледяной воды, разом развеяв остатки ее иллюзий.

И впрямь, перед ней был Цзин-ван — человек, перед которым вынужден трепетать и которому обязан угождать даже ее муж, занимающий пост великого наставника при дворе.

Перед лицом абсолютной власти любые доводы разума и моральные устои превращались в пустой звук.

В конце концов, материнская любовь взяла верх, и, цепляясь за последнюю надежду на чудо, на следующий день она передала в княжеский дворец официальную визитную карточку, испрашивая аудиенции у супруги Цзин-вана — втайне надеясь отыскать хоть какой-то выход

через женскую половину.

Сунь-ванфэй приняла ее, и ее манеры были едва ли не подчеркнуто мягкими, но сказанные слова разили больнее любого прямого отказа.

— Не беспокойтесь, госпожа Цинь, — неторопливо перебирая фарфоровую чашечку, произнесла супруга вана ровным голосом, в котором не улавливалось ни малейшей эмоции. — Ван всего лишь нашел молодого господина Циня... слишком юным и донельзя забавным, вот и оставил в поместье поболтать, чтобы скрасить одиночество. У вана есть свои границы дозволенного, он позаботится о нем как следует. Они просто «минутки коротают за беседой».

Она подняла глаза на побледневшую госпожу Цинь, и уголки ее губ тронула еле заметная, граничащая с презрительной жалостью улыбка:

— Через несколько дней его, разумеется, вернут в ваше почтенное семейство. Успокойтесь, в накладе ваш род Цинь... не останется, за нами не заржавеет.

Само слово «вознаграждение» прозвучало самой громкой пощечиной, звонко отпечатавшейся на лице госпожи Цинь.

Это же прямым текстом означало, что ее собственного сына воспринимают не иначе как... разменную монету, вещь для «утехи и забавы».

А те слова супруги вана о простой «дружеской беседе» лишь цинично прикрывали и оправдывали акт насилия, придавая ему вид чего-то естественного и само собой разумеющегося.

Госпожа Цинь не помнила, как ее ноги вынесли из дворца Цзин-вана.

Вернувшись в резиденцию великого наставника, они обменялись с Цинь Хуэем лишь одним взглядом, и в глазах друг друга прочли ту же самую глухую безысходность и ничем не смываемое унижение.

Они оба отчетливо понимали: на этот раз их сын пропал безвозвратно.

Перед лицом такого исполина, как Цзин-ван, они не смели не только сопротивляться, но даже обязаны были, проглотив выбитые зубы вместе с кровью, изображать безмятежность и подыгрывать в этом омерзительном фарсе.

Цинь Хуэй тяжело рухнул в кресло великого наставника, словно в одно мгновение постарев лет на десять.

Он закрыл глаза, чувствуя, как вся нажитая годами власть и добрая репутация в этот самый момент стираются в порошок — и виной тому его никчемный сынок вкупе с этой непонятно откуда взявшейся жуткой притягательностью.

И у них отобрали даже само право на гнев.

А в это время Бай Лин преспокойно и счастливо проводила дни в наполненном духовной энергией дворике Хун Сюин, целыми целыми сутками то греясь на солнышке, то забавляясь с крошкой Ши Анем, так что она почти позабыла о суровой и пресной жизни в диких горах.

В один прекрасный день она вдруг вспомнила о том самом обручнике Чэнь Ляне, чью судьбу так бесцеремонно разрушил Цзигун, и сердце ее вновь загорелось гневом. Лисица решила во что бы то ни стало разыскать своего благодетеля.

Подняв зловеющий вихрь черного тумана, она привычным путем направилась к особняку семьи Чэнь.

Однако стоило ей приблизиться, как мягкий, но несокрушимый золотой свет Будды, подобно невидимой стене, отбросил ее назад с такой силой, что ее демоническая ци всколыхнулась в диком беспорядке.

Бай Лин испустила жалобный вопль и кубарем полетела с облаков.

Рассвирепевшая до такой степени, что шерсть дыбом встала, она стояла у подножия холма и скалила зубы в сторону резиденции Чэнь.

Проклятый Цзидянь! Вшивый монашек!

Верно, это твоих рук дело, старый ты грешник, состряпавший защитный барьер!

Сам свихнулся в монахах, так теперь глаз не выносит чужого счастья!

Она ругалась на чем свет стоит, но прекрасно понимала, что пробиться напролом не удастся. Хитро сверкнув глазами, она тут же придумала коварный план.

Ах ты ж паршивый монашек, вечно суешь палки в колеса.

Коль не даешь мне жить спокойно, я и тебе устрою сладкую жизнь.

Обязательно найду способ как следует потрепать тебе нервы.

Она обернулась молодым книжником — с утонченными чертами лица и легким налетом бессмертного благородства — и решила зайти с другой стороны.

До нее уже доходили слухи об удивительном происшествии, взбудоражившем столицу.

В резиденции всесильного великого наставника Циня за баснословные деньги нанимали искусных мастеров для изгнания нечистой силы.

Причем обстоятельства выглядели крайне странно: всех слуг-мужчин в поместье заменили исключительно горничными, а самого великого наставника уговорили выселить подальше всех мужчин в радиусе нескольких ли.

Прислушавшись к сплетням, она наконец уловила суть.

Оказывается, молодой господин этого семейства, Цинь Хуань, едва вернувшись «в гости» из дворца Цзин-вана, словно угодил в осиное гнездо мужчин.

Самые разные особы мужского пола — от утонченных литераторов до разухабистых бродяг из цзянху и даже непонятно откуда повылазивших монахов да даосов — словно помешавшись, наперебой искали встречи с ним, жаждая «сблизиться».

В резиденции Циня уже не знали, куда деваться от этого наваждения, и от отчаяния пошли на крайние меры, полностью отгородившись от мужского пола.

Оставалось лишь уповать на то, что какой-нибудь мастер сумеет снять это странное «проклятие персикового цвета».

Услышав об этом, Бай Лин тут же подумала: разве это не идеальная возможность отомстить Цзигуну?

Полная уверенности в собственных силах, в облике смазливой ученой она вновь явилась к воротам поместья, объявив страже, что способна отвратить беду.

Однако не успела она договорить о цели визита, как управляющий у ворот — словно его ужалила ядовитая сколопендра — переменялся в лице и принялся с криками выталкивать гостя за порог.

Тот завизжал на ультразвуке:

— Убирайся, убирайся! Никаких мужчин! Нам нужны исключительно женщины-даосски! Женщины, ты слышишь меня?!

Оказавшись на улице перед захлопнувшимися ярко-красными воротами, Бай Лин ошарашенно хлопала глазами.

Она опустила взгляд на собственный наведенный мужской облик и только тогда сообразила, до какой степени паники нынче доведены обитатели поместья Цинь.

Тьфу ты, совсем забыла про эту деталь.

Впрочем, унывать она не собиралась. Отбежав в укромный уголок, она снова изменила облик — на этот раз обратившись холодной с виду женщиной-даоской среднего возраста с белым метелкой-фучэнем в руке — и вновь постучала в ворота дома Цинь.

И верно, на сей раз, после тщательной проверки стражей, управляющий почтительно провел ее внутрь.

Стоя перед почтенным великим наставником с помрачневшим лицом, Бай Лин приняла загадочный вид, сделала вид, что производит сложные расчеты по пальцам, и глубокомысленно протянула:

— Великий наставник, напасть, постигшая вашего сына, далеко не проста. Его угораздило навлечь на себя «проклятие персикового цвета янского происхождения», несущее в себе смертельную скверну, и обыкновенные талисманы здесь бессильны.

Чтобы окончательно усмирить подобную нечисть, в качестве якоря для расстановки защитной формации необходимо раздобыть предмет предельно светлой и чистой янской природы. Только тогда заклинание подействует.

— Что за предмет? — нетерпеливо перебил Цинь Хуэй.

В глазах Бай Лин мелькнул зловещий и хитрый огонек, и она отчетливо проговорила:

— Требуется раздобыть главную несущую балку, использованную при недавней перестройке Зала Великой Скорби в монастыре Линъинь!

Эта древесина веками пропитывалась светом Будды и ароматом курительных палочек, вбирая в себя беспредельную праведную энергию Дхармы — нет средства лучше, чтобы совладать с этой скверной!

Стоит принести эту балку и водрузить в центре духовной формации в вашем поместье, как нечисть исчезнет сама собой!

Паршивый монах! Ты отобрал мое внутреннее ядро и разрушил мое счастье.

Так я разнесу твой Зал Великой Скорби по кирпичику.

Коль ты перешел дорогу мне, Бай Лин, раз уж я однажды устроила у вас пожар, то сумею подговорить людей разрушить его до основания еще раз!

Посмотрим, сможешь ли ты после этого спокойно читать свои сутры!

Тем временем в особняке Цинь великий наставник смотрел на сына, которого слуги «вернули» из дворца Цзин-вана — и который, к ужасу всех домашних, снова оказался в положении.

Стоило выкинуть одного ребенка, как во чреве зарождался следующий.

Вспоминая о том, как исчез прошлый плод и откуда взялся новый, он испытывал глубокое отвращение.

Эти бесконечные унижения снова и снова втоптывали в грязь честь самого рода Цинь и имя Цинь Хуэя.

А вспомнив про этого монаха Цзигуна, к которому он ранее обращался за помощью в изгнании нечисти и которого тот лишь увивал от дела... если бы не никчемность этого патера, разве пал бы Хуань-эр жертвой домогательств мерзавца Сун Цичэня, а следом не вляпался бы в историю с Цзин-ваном?

Старые обиды сплелись воедино с новыми, и в глазах Цинь Хуэя вспыхнул безжалостный, звериный огонь.

— Ах ты паршивый Цзидянь! Ах ты проклятый монастырь Линъинь! Раз уж по-хорошему вы понимать не желаете, пеняйте на себя, коли великий наставник явит свой крутой нрав!

Он с размаху ударил ладонью по столу и зловеще рявкнул:

— Собрать всех стражников поместья, а также подтянуть отряд из столичной управы военного ведомства — мы выступаем на монастырь Линъинь! За балку из Зала Великой Скорби я поеду лично! А кто посмеет встать поперек дороги — сровняю этот храм с землей, и пусть попробуют сказать мне хоть слово против!

Гнев и стыд окончательно затуманили его разум; им двигало лишь желание выплеснуть ярость самым жестоким способом и заполучить заветный «усредняющий скверну амулет».

У стен монастыря Линъинь сгустилась смертоносная атмосфера.

Лично руководя операцией, Цинь Хуэй приказал крупному отряду солдат и личной стражи наставника окружить обитель со всех сторон. Перепуганные паломники разбежались во все стороны, а лица монахов внутри храма стали бледнее мела.

Размахивая рваным веером и сладко зевая, Цзигун неторопливо вышел из главного зала, сохраняя на лице все ту же неистребимую наглую усмешку.

— Ой-ой, не великий ли наставник Цинь пожаловал к нам? Каким это ветром вашу важную персону занесло в мою убогую обитель? Неужто решили составить компанию бедному монаху за кубком вина?

— Хватит болтать! — Цинь Хуэй указал на Зал Великой Скорби кончиком хлыста.

— Снимайте оттуда балку, она нужна мне для защиты дома от злых духов.

Если у тебя есть хоть капля ума, отдай ее по-хорошему, иначе сегодня от твоего монастыря Линьинь не останется камня на камне!

Цзигун поковырял в ухе и с усмешкой протянул:

— Ваша светлость, эта балка — основание, на котором держится весь храм. Стоит ее убрать, и крыша рухнет.

Если Всетеневый Будда прогневается, бедный монах никак не сможет взять этот грех на душу.

— Плевать я хотел на твоего Будду! — Цинь Хуэй, исчерпав остатки терпения и видя упрямство монаха, почувствовал, как в нем вскипает жажда убийства. Внезапно выхватив из ножен меч стоявшего рядом стражника, он прищпорил коня и бросился вперед. На глазах у остолбеневших людей взметнулся холодный свет клинка, и — взмах!

— Плюх... —

Круглая голова в потрепанной монашеской шапке, с застывшей на лице неизменной насмешкой, взлетела в воздух и со стуком покатилась по земле! Обезглавленное тело качнулось и рухнуло вслед за ней.

На площадке воцарилась мертвая тишина!

Все присутствующие онемели от ужаса!

Гуанлянь, Бичин и прочие монахи завизжали благим матом, едва не лишившись чувств от

страха.

Солдаты и стражники великого наставника растерянно переглядывались: никто не ожидал, что старик-сановник окажется настолько кровожадным, чтобы посреди бела дня казнить известного святого отца.

Сам Цинь Хуэй тоже на секунду замер, но это мгновение быстро сменилось злорадным торжеством. Он холодно фыркнул:

— Не цените добра! Ломайте!

Стесняясь грозного нрава наставника, солдаты были вынуждены скрипеть зубами и приниматься за разрушение здания.

Этой же ночью в монастыре Линъинь царило глубокое горе.

Гуанлянь, Бицин и остальные братья бодрствовали у гроба Цзигуна в главном зале. Глядя на прикрытое белой тканью тело, они горько рыдали, захлебываясь слезами и соплями.

— Младший дядя-наставник! До чего же страшной смертью вы погибли! — Бицин заливался слезами громче всех.

Гуанлянь тоже утирал потоки слез и соплей, в равной мере испытывая смертельный ужас и скорбь:

— Младший брат... ну как же так... на кой черт тебе сдалось связываться с этой зловещей звездой?.. Вот тебе и результат, теперь и голова с плеч...

И тут, посреди их сердечных рыданий, пронесся порыв леденящего ветра, заставив пламя свечей перед алтарем дико затрепетать.

В следующее мгновение на глазах у до смерти перепуганных Гуанляня и Бицина стоящая на жертвенном столе сшитая с телом голова Цзигуна медленно поднялась в воздух!

Оторвавшись от туловища, она зависла прямо посреди темного зала!

Глаза на этой голове широко распахлись, и, уставившись на обнявшихся в углу и трясущихся от страха Гуанляня с Бицином, она растянула губы в ту самую знакомую, доводящую до белого каления улыбку:

— Чего трясетесь-то? Трусы несчастные! Монах-то ваш еще не помер!

— А-а-а-а-а! Призрак! — Гуанлянь и Бицин от ужаса чуть не расстались с душами и, спотыкаясь и падая, бросились к выходу.

Парящая в воздухе голова хохотала во все горло:

— Куда бежать собрались! Монах просто пошутить решил! Ух, как же утомительно притворяться мертвым!

Разумеется, все случившееся оказалось не более чем иллюзией и чудесным проявлением способностей Цигуна, который заодно решил облегчить себе задачу для последующих шагов.

Вот только эта шуточка оказалась слишком жестокой — его собственный старший брат по учению и ученик едва не отдали Богу душу от разрыва сердца.

А тем временем ничего не подозревающий Цинь Хуэй, насильно утащивший строительную балку, понятия не имел, что добытая им ценой таких усилий вещица — вовсе не артефакт для подавления нечисти.

Напротив, это была лишь обычная деревяшка, которую коварная Бай Лин подсунула с единственной целью — натравить чужую беду на врага и жестоко отомстить Цигуну.

Поздней ночью в резиденции Циня.

Та самая балка, содранная силой из Зала Великой Скорби монастыря Линъинь и почитаемая за «абсолютно светлую и чистую янскую святыню», была с великим почтением внесена внутрь.

Следуя указаниям женщины-даоски перед ее уходом, бревно водрузили посреди тщательно подготовленной чистой комнаты, отведя ему роль ядра защитной формации.

Глядя на темный тяжелый кусок дерева, Цинь Хуэй чувствовал, как перед его взором забрезжила надежда на выздоровление сына и возвращение покоя в семью. Ежедневная ярость и раздражение слегка поутихли, сменившись долгожданной, хоть и призрачной усталостью с мнимым спокойствием.

— Наконец-то... наконец-то этот кошмар прекратится.

Пробормотав это себе под нос, он поднес к губам чашку только что заваренного в кабинете горячего чая, подул на поверхность, собираясь смочить осипшее от утренних криков и разгрома храма горло.

Однако сделать глоток он так и не успел.

— О-о-о-вели-кий... настав-ник... до-о-чего же лю-ю-тую ты про-о-явил жесто-о-кость... —

Словно призрачный отзвук из потустороннего мира, тягучий, жуткий, сдвоенный эхом голос внезапно раздался в абсолютной тишине ночного поместья.

Звук блуждал из стороны в сторону: то казалось, что он исходит с крыши, то чудилось, будто кто-то шепчет под окном — в этом зловещем тембре безошибочно угадывался голос Цзигуна, которому он собственноручно «снес голову» среди бела дня!

Рука Цинь Хуэя дрогнула, крутой кипяток плеснул ему на грудь, но он даже не почувствовал боли. Резко вскочив на ноги, он взвизгнул:

— Кто здесь?! Кто смеет строить из себя призраков?! А ну выходи, живо!

Никто не ответил.

Лишь затихающее эхо слов «...лютую ты проявил жестокость...» продолжало цепляться за ночной мрак, словно паразит, впившийся в плоть.

Служанки в глубине поместья тоже слышали этот призрачный голос и, побелев лицами от ужаса, жались по углам, дрожа от страха — в одно мгновение резиденция великого наставника погрузилась в атмосферу могильного холода и жути.

Обезумев от испуга и ярости, Цинь Хуэй решил, что это проделки недобитых приспешников монастыря Линъинь или сообщников проклятого монаха.

С трудом взяв себя в руки, он вернулся к креслу и гаркнул в сторону двери:

— Эй там! Подайте-ка великому наставнику другую чашку чаю!

Дрожащая от страха служанка с опущенной головой, еле передвигая ноги, внесла свежезаваленный чай, поставила его на стол и тут же пулей вылетела прочь.

Разум Цинь Хуэя был затуманен тревогой. Механически протянув руку к чашке, он невольно бросил взгляд на столешницу —

И остолбенел: рядом с чашкой, на абсолютно пустом доселе полированном дереве, невесть откуда материализовалась человеческая голова!

Это была та самая голова Цзигуна в потрепанной монашеской шапке, с той же самой издевательской ухмылкой на лице!

Глаза на голове моргнули, а рот растянулся в до боли знакомую, вызывающую дикое бешенство улыбку.

— Хе-хе... —

Каким бы безжалостным злодеем ни слыл Цинь Хуэй и как бы хладнокровно он ни проливал кровь всего несколько часов назад, сейчас этот внезапный, жуткий призрак, оказавшийся в опасной близости от него, едва не выбил из него душу.

В панике отскочив назад, он опрокинул массивный резной стеллаж за спиной, который с грохотом рухнул, разлетевшись на мелкие щепки.

— Да ты... ты человек или демон?! — дрожащим, сорванным голосом завопил Цинь Хуэй, тыча пальцем в отрубленную голову.

Губы на голове зашевелились, и голос Цзигуна отчетливо донесся до его ушей:

— Хе-хе, не бойся, наставник, не бойся! Монах-то мой еще не до конца отдал Богу душу, заглянул вот на огонек, испить чашечку вина.

— Ты... — Цинь Хуэй испытывал суеверный ужас и замешательство. Ощущение лезвия, входящего в плоть, и брызнувшая кровь днем определенно не могли быть плодом галлюцинации.

<http://bllate.org/book/21973/2283002>